

УДК 327.51; 327.57

А.А. ГРОМЫКО И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ (1968–1969 гг.)¹

© 2022 СИНДЕЕВ Алексей Александрович*

Доктор исторических наук, профессор РАН
Главный научный сотрудник, Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая. д. 11, стр. 3

*E-mail: a_sin74@mail.ru

Поступила в редакцию 06.07.2022

После доработки 23.08.2022

Принята к публикации 09.09.2022

Аннотация. В статье проанализирована роль министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в формировании, развитии и поддержании политики безопасности и принципов, положенных в ее основу. Актуальность статьи определяется значением стратегии в современной внешней политике и дипломатии, а также потенциальным влиянием стратегии на межгосударственное сотрудничество. Хронология обусловлена необходимостью выделить самостоятельный период «сверки часов» перед началом советско-германских переговоров между А.А. Громыко и статс-секретарем ФРГ Э. Баром (СДПГ) относительно Московского договора. Научная новизна проявляется в содержательных аспектах стратегии А.А. Громыко и обосновании особенности ситуации, сложившейся в брежневский этап внешней политики СССР, что позволяет в дальнейшем проверить гипотезы, связанные с (воздействием личностного фактора (длительное нахождение на ответственном посту; постоянное укрепление влияния, авторитета и возможностей). Применительно к 1968–1969 гг. автор охарактеризовал три стратегические идеи А.А. Громыко: «согласие» как контрконцепт западногерманскому «сближению»; комплексное понимание европейской безопасности («европейская безопасность в целом»); непрерывное развитие политики безопасности на основе фундаментальных принципов («европейская политика на перспективу»).

Ключевые слова: Громыко, политика безопасности, внешнеполитический континуитет, политическая стратегия, дипломатическая стратегия и тактика.

DOI: 10.31857/S0201708322060134

EDN: kubfsn

¹ Автор продолжает серию работ, посвященных деятельности А.А. Громыко на должности министра иностранных дел, см.: Синдеев А.А. (2021) А.А. Громыко и политика безопасности (1963–1964 гг.). Современная Европа № 5. С. 137–149. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021137149>

В последнем интервью главному редактору журнала «Огонёк» В.А. Коротичу А.А. Громыко заметил: «[П]онятие разрядки нельзя рассматривать как некую абстракцию»¹. Требование конкретности имеет смысл распространить и на процессы, подготовившие разрядку. Одним из них в конце 1960-х гг. стало советско-западногерманское сближение [Филитов, 2009: 289–296; Филитов, 2020; Долгиевич, 2018; Flatten, 2021: 172–199, 538–592, 617–682], анализ которого предусматривает изучение в качестве самостоятельного предмета роли министра иностранных дел СССР А.А. Громыко. Данная статья посвящена периоду, предшествовавшему заключению Московского договора с ФРГ [Павлов, 2019; Филитов, 2009: 297–301].

Исходные цели А.А. Громыко на переговорах с Бонном

А.А. Громыко понимал, что предстоит долгий переговорный марафон, на начальной стадии которого необходимо нащупать бреши в аргументации западных немцев, изложить собственные предложения и требования, а также продемонстрировать готовность к системному обсуждению и достижению значимого результата.

2 августа 1968 г. он объяснял послу ФРГ Г. Аллардту, что «[о]сновной вопрос – [это] вопрос о европейских границах», являющийся «для СССР вопрос[ом] войны и мира»². Федеративной Республике, по его мнению, «пошло бы на пользу <...> вспомнить, какое чудовищное горе (*entsetzliches Leid*) вынес на своих плечах Советский Союз» и понять, что наша страна не оставит неотрегулированным вопрос границ, чтобы не идти «на риск как в последней, навязанной [ей] войне»³.

Министр выразил недоумение относительно нежелания признать Мюнхенский пакт «недействительным с самого начала» и присоединиться к подписанному в 1968 г. Договору о нераспространении ядерного оружия.

Советско-западногерманское соглашение о неприменении силы, исходную цель официального Бонна в новой восточной политике, А.А. Громыко рассматривал исключительно через призму международно-правовой равноценности *всех* подобных соглашений с социалистическими странами, заключение которых способствовало бы автоматическому признанию ГДР и снятию многолетней претензии западных немцев на единоличное представительство германской нации.

А.А. Громыко настаивал на том, чтобы в ходе возможных переговоров о неприменении силы не упускать из виду «европейскую безопасность в целом», поскольку СССР и ФРГ «должны выраб[атыв]ать европейскую политику на перспективу»⁴.

8 октября 1968 г. в Нью-Йорке он обратил внимание тогда еще министра иностранных дел В. Брандта на очевидную для Советского Союза взаимосвязь. С одной стороны, говорил А.А. Громыко, «[д]лительное время не получится забыть, что

¹ Громыко А.А. Последнее интервью. М.: ИЕ РАН, 2019. С. 34.

² Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1968 / Schwarz H.-P. (Hg.). Bd. II. München: R. Oldenbourg Verlag, 1999. S. 956.

³ Там же.

⁴ Там же. S. 957.

немцы причинили народам СССР в период Второй мировой войны»¹. С другой стороны, согласие СССР начать переговоры с ФРГ будет означать «радикальное изменение», предполагающее ответную готовность Бонна основательно продвигаться по пути «политик[и] разрядки и решения европейских вопросов»², а значит – использовать принципы «гибкости и реализма», «признать взаимосвязь» накопившихся проблем и решать их комплексно, а не через разгруппировку и перенесение на будущее.

В подобном подходе, если он был бы реализован полностью, Бонн (под грузом исторической ответственности) оказался бы в крайне затруднительном положении и не смог бы предлагать только соглашение о неприменении силы – половинчатое решение, вполне его устраивающее.

11 декабря 1968 г. в свойственной ему переговорной манере А.А. Громыко уточнил у посла Аллардта: «Если мы, к примеру, начнем с вопроса об отказе от насилия, будет ли это означать, что до последнего вопроса [повестки дня] <...> мы дойдем лишь спустя более чем год?»³. Какой смысл имели для СССР растянутые во времени переговоры, в которых он будет вынужден находиться под дополнительным, созданным своими руками давлением, тогда как ФРГ получила бы на них важные преимущества?

Позднее обсуждение принципиальных для СССР вопросов предоставляло Западной Германии неплохие шансы на уступки и делало неочевидным встречные шаги. Бонн всегда мог сослаться на уже согласованное положение о неприменении силы, а текущие сложности объяснить исключительно нежеланием советской стороны вести серьезный диалог и достигать взаимовыгодных компромиссов⁴.

В качестве определенных гарантий от попадания в капкан (официально – «для большей точности и удобства»⁵) А.А. Громыко инициировал параллельность устного обмена мнениями и письменной фиксации частично или полностью согласованного, попытался повлиять на представителей Федеративной Республики⁶, призывая не предпринимать шагов, ухудшающих положение в Европе в то время, т.е., по крайней мере, не нагнетать ситуацию возле Западного Берлина, а также присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия. Результат реалистичной

¹ Там же. S. 1291.

² Там же. S. 1292.

³ Там же. S. 1583.

⁴ Точку зрения автора о стратегии ФРГ см.: Синдеев А.А. Истоки европейской безопасности: внешнеполитическая стратегия ФРГ и Московский договор 1970 г. Россия XXI. 2020. № 4. С. 6–21; Синдеев А.А. Истоки европейской безопасности: политическая элита ФРГ и Московский договор 1970 г. Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: материалы V Международной научно-практической конференции, Витебск, 21–22 мая 2020 г. А.П. Косов (гл. ред.). Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. С. 95–99.

⁵ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1968... S. 1584.

⁶ См., к примеру, следующее замечание А.А. Громыко: «Если федеральное правительство имеет *серьезные* (здесь и далее прим. автора) намерения что-то обсудить, то он [Громыко] не видит никакого *серьезного* препятствия на этом пути» (Там же. S. 1585).

политики, с точки зрения А.А. Громыко, заключался бы в переходе от «сближения» (*Annäherung*) к «согласию» (*Einvernehmen*)¹.

Когда министру иностранных дел СССР из-за вмешательства Л.И. Брежнева все же пришлось видоизменить свой подход², он постарался с помощью нюансов и акцентов максимально сохранить комплексность. 22 сентября 1969 г. А.А. Громыко, например, заявил, что «переговоры об отказе от насилия *покажут, как мы продвигнемся дальше* (прим. автора)» по другим вопросам и проблемам³.

С учетом возможного созыва конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе А.А. Громыко, стремясь избежать односторонних уступок западногерманской стороне, расширил (в некотором смысле даже релятивировал) контекст предстоящих советско-германских переговоров⁴: «При всей важности отношений между ФРГ и ГДР, – говорил он Брандту, – имеются и другие вопросы на конференции, к примеру, безопасность. Не стоит спрашивать, наступает ли безопасность перед разоружением или разоружение перед безопасностью, иначе 90% существующих соглашений не были бы достигнуты»⁵.

Сам А.А. Громыко выступал за приоритет безопасности перед разоружением. Общее понимание безопасности обеспечивало доверие и помогало более эффективно разрешать накопившиеся проблемы в сфере разоружения.

Цели А.А. Громыко состояли в максимальной деконфликтализации проблематики европейской безопасности, в построении «политики на перспективу», в формировании взаимного доверия (к примеру, через признание границ) и последующего «согласия» (мирного и планового институционально организованного преодоления текущих трудностей). Все это требовало кропотливой долгосрочной работы.

Предпосылкой реализации целей должны были стать уступки со стороны ФРГ, на которые она в силу верности союзническим интересам идти не собиралась.

В данном контексте дискуссионной является проблема стратегической выгоды малых и средних стран. Насколько важны им, например, компромиссы и участие в строительстве работоспособной комплексной системы региональной безопасности по сравнению с отказом от согласия с крупной державой, провоцированием конфликтов, расчетом на усеченные варианты безопасности и на обусловленное конфликтами исчерпание внутренних сил крупной державы?

¹ Там же. S. 1586. Т.е. иначе, чем это видел Э. Бар. О новых контекстах см. недавно вышедшую книгу К. фон Донаньи (СДПГ) [Dohnanyi, 2022: 57–72] и его более ранний комментарий [Belov, Zverev, 2015: 9–12].

² Точку зрения автора по данному вопросу см.: Синдеев А.А. Истоки европейской безопасности: А.А. Громыко и Московский договор 1970 г. // Личность и общество в историческом процессе: сб. статей. междунар. науч.-практ. конф., 9–10 апреля 2020 г. / Под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: Book Jet, 2020. С. 97–106. А.М. Филитов придерживается иного мнения [Филитов, 2020].

³ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1969 / Schwarz H.-P. (Hg.). Bd. II. München: R. Oldenbourg Verlag, 2000. S. 1059.

⁴ Посланник Э. фон Шмидт-Паули записал: «Советы готовы решить практические вопросы, так как мы находимся *под общей европейской крышей*» (выделено нами. – А.С.) (Там же. S. 1061).

⁵ Там же. S. 1060.

Допустим и другой ракурс. Способствуют ли уступки и компромиссы со стороны крупных держав в отношениях с неравными партнерами реальной безопасности?

Оба вопроса, постановка которых вызвана целями А.А. Громыко, носят принципиальный характер для «политики на перспективу» и, независимо от текущих противоречий, кризисов и конфликтов, их все равно придется серьезно обсудить в наше время.

Вопрос о границах на этапе «подготовительного обмена мнениями»

В ходе «подготовительного обмена мнениями» состоялись три встречи А.А. Громыко с послом Аллардтом: 8, 11 и 23 декабря 1969 г. соответственно. «Манера ведения переговоров Громыко была <...> жесткой (*hart*)», – докладывал Аллардт¹, хотя министр и изъявил согласие «говорить <...> обо всем (за исключением экзегезы Библии)»².

«Жесткость» А.А. Громыко сводилась к довольно простой по содержанию и практически не изменившейся во всех контактах с западными немцами дипломатической формуле: *новый* (очередной) *этап построения* европейской политики безопасности = обязательное признание границ + обязательства по регулярной (плановой) «проверке всех основных вопросов» [о сути этапности и альтернативах см.: Громыко Ал., 2020а; Громыко Ал., 2020b]. Первый компонент запускался контактами с ФРГ, а второй (средства и механизмы) предстояло детально обсудить на конференции по безопасности.

Признание Федеративной Республикой существующих границ носило прецедентный характер и создавало, в представлении А.А. Громыко, благоприятную возможность для мирного развития капиталистической и социалистической систем.

Естественно, Аллардт смотрел на «цели Громыко» иначе. Тот, по его мнению, собирался добиться обязательства не изменять границы не только военными, но и мирными средствами. Если подобное произойдет вне рамок привычных в таких случаях мирного договора и окончательного урегулирования, рассуждал Аллардт, то ФРГ добровольно откажется от объединения, а Москва «де-юре [получит] дополнительное право вето против объединения»³.

Аллардт полагал, что «Громыко требует, чтобы [ФРГ] <...> признал[а] все европейские границы». Последнее позволило бы Советскому Союзу «де-юре оказаться

¹ Западногерманская сторона всегда воспринимала А.А. Громыко крайне тенденциозно. Вот пример одного из таких «впечатлений» еще из 1966 г.: «Атмосфера не была такой уж дружественной <...>, что среди прочего зависит и от манеры Громыко, который даже для советского аппаратчика держится непривычно закрытым» (Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1966 / Schwarz H.-P. (Hg.). Bd. I. München: R. Oldenbourg Verlag, 1997. S. 765). Отличия между закрытостью и сконцентрированностью почему-то не выявлялись.

² Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1969... S. 1409, 1388.

³ Там же. S. 1410.

в позиции государства-гаранта восточного блока»¹, т.е. узаконить «доктрину Брежнева» [Яжборовская, 2013].

Кстати, отсутствие, вследствие новых договорных обязательств, серьезных проблем между СССР и западными союзниками США в Европе существенно уменьшило бы влияние последних на Вашингтон и вызвало бы очередную трансформацию трансатлантических отношений.

А.А. Громыко отнюдь не скрывал важность правового закрепления принципов и конкретного положения дел: «Если советская сторона говорит о европейских границах в общем или о границах Федеративной Республики, – информировал он Аллардта, – то она подразумевает <...> границы европейских государств в принципе и конкретные границы непосредственно затронутых государств <...>. Советская сторона не разделяет обе темы друг от друга»².

Системность и комплексность, которой придерживался А.А. Громыко, оказывалась невыгодной и для нового руководства Западной Германии, хотя аргументация министра была сверхлогичной: «нельзя <...> проблему (границ – *прим. автора*), – говорил он, – разрезать на различные части <...> одна часть – два государства, другая часть – еще два государства и третья часть – вновь еще два государства <...> нельзя “разрезать” эту проблему, как, к примеру, и проблему европейской безопасности или мировую политику как нечто целое»³.

По словам Аллардта, А.А. Громыко вспомнил «о советском тезисе неделимости мира, который был сформулирован еще до войны»⁴.

На трех следующих примерах видно, что положение А.А. Громыко было явно незавидным. Ему пришлось балансировать между необходимостью продолжать переговорный процесс (настойчивым желанием Брежнева) и неготовностью западных немцев идти на уступки, что грозило обернуться неудачей отнюдь не генерального секретаря ЦК КПСС.

Пример 1. А.А. Громыко прямо спросил западногерманского посла: «[К]акую ценность должно иметь <...> соглашение с ФРГ для социалистических стран? <...> Советская сторона хочет не бумагу, а серьезные обязательства договаривающихся государств»⁵ относительно «безоговорочного признания границ»; формулировка «не предъявлять никаких территориальных требований к кому-либо» будет недостаточна.

Пример 2. Одновременно А.А. Громыко не исключал (и, по всей видимости, не только тактически) опцию прерывания контактов и их переноса на поздний срок. 11

¹ Там же.

² Там же. S. 1409.

³ Там же. S. 1463.

⁴ Там же. Имеется в виду комплекс инициатив и предложений СССР. См. подробнее в первом томе двухтомной «Истории внешней политики СССР (1917–1980)», вышедшей под редакцией А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева: История внешней политики СССР (1917–1980) / Под ред. А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева. Т. 1: 1917–1945. М.: Наука, 1980. С. 278–331.

⁵ Здесь и далее в примере цит. по: Ibid. S. 1407–1408.

декабря он заявил Аллардту, что СССР и ФРГ «[н]ачали обмен мнениями и <...> [т]олько на поздней стадии <...> можно будет сделать окончательные выводы»¹.

Пример 3. Несмотря на это, А.А. Громыко предложил и компромисс: западно-германские «формулировки <...> не могут являться основой для дальнейших переговоров (*Gespräche*), но их, как и советские предложения, можно было бы учесть в ходе дальнейшего обсуждения (*Gespräche*) и <...> найти общую, соответствующую реальной ситуации, формулу»².

Сопоставительный анализ примеров доказывает, что Аллардт сознательно преувеличивал «жесткость» А.А. Громыко и не желал замечать главную идею министра: неделимость безопасности и рост доверия повышают шанс на единство мира.

Краткосрочный «подготовительный обмен мнениями» не устранил противоречий. Неравные статусы переговорщиков лишь усилили их.

Версия В.М. Фалина

Из-за событий в Чехословакии В.М. Фалин подключился к родной для него германской проблематике несколько позднее. О результатах встречи А.А. Громыко с Брандтом 1968 г. он вспоминает чрезвычайно позитивно, наверняка еще и потому, что министр дал ему поручение «обобщить итоги нотного марафона и <...> разобраться, что за ветры дуют на Рейне»³.

От «помощников Брежнева» В.М. Фалин узнал, что А.А. Громыко «долож[ил о встрече] наверх с обнадеживающим подтекстом»⁴. Сам он был настроен скептически, за что министр упрекнул его в «сгущении красок».

Вместе с В.С. Семеновым В.М. Фалин подготовил записку «о ветрах на Рейне» со следующей рекомендацией: «Советский Союз в состоянии поднять акции сторонников большей сбалансированности внешней политики ФРГ, дополняя твердость в отстаивании своих интересов гибкостью и раскрывая потенциал добрососедского сотрудничества»⁵.

Если Б.Н. Пономарев, заведующий Международным отделом ЦК КПСС, познакомившись с запиской, был категорически против сближения с социал-демократами, то А.А. Громыко «доказывал, что мы не поможем ГДР и навредим себе, если будем отворачиваться от реалий. Создание правительства ФРГ во главе с социал-демократами не облегчит задач СЕПГ; <...> вся политика разрядки напряженности в Европе окажется пустоцветом, если нацелиться на стагнацию германо(ГДР)-германских(ФРГ) отношений и искусственное сдерживание нормализации между СССР и ФРГ»⁶. Ю.В. Андропов поддержал министра иностранных дел.

¹ Там же.

² Там же. С. 1409.

³ Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 2016. С. 125.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Там же.

В 1969 г. В.М. Фалин, согласно указанию министра, не довольного подвисшим присоединением ФРГ к договору о нераспространении ядерного оружия, стремлением ряда западногерманских политических сил получить доступ к этому оружию, «полутонами» новой коалиции и собственной борьбой с «максималистами», принялся за написание очередной записки. Однако ее проект он, минуя А.А. Громыко, направил в аппарат генерального секретаря и услышал за объем и содержание критику А.А. Громыко и похвалу Л.И. Брежнева.

«Настороженный активностью консерваторов в советском руководстве и отсутствием четких сигналов из Бонна, – констатировал В.М. Фалин, – министр предпочел бы отделаться банальностями и хорошо подкрепленными отговорками. Поменьше конкретики и побольше междометий – его вечный девиз»¹.

Дальнейшие события развивались стремительно. В начале декабря, после присоединения ФРГ к Договору о нераспространении ядерного оружия, в Москве прошла встреча руководителей партий и глав правительств стран-участниц Варшавского договора, на которой были одобрены контакты СССР с ФРГ. 7 декабря согласие советского правительства поступило в Бонн, а 8 декабря состоялась первая встреча А.А. Громыко с Аллардтом.

Советский министр, по словам В.М. Фалина, был раздражен позицией западных немцев, и руководителю 3-го Европейского отдела МИД СССР пришлось даже «объяснять» ему, «что немцы ведут пока диалог больше сами с собой и что, не разобравшись в себе, они вряд ли станут брать быка за рога»². Такая аргументация, пишет Фалин, «не пришлась Громыко по душе»³; министр и его подчиненный поспорили.

Громыко: «Что вы защищаете их тактику на затягивание переговоров? Почему-то все хотят, чтобы мы входили в их положение, и не принимают в расчет наши интересы».

Фалин: «Статус великой державы влечет за собой массу неудобств <...> Правительству В. Брандта – В. Шееля приходится труднее, чем нам <...>. Мы требуем, чтобы западные немцы сблизились с нами во взглядах на реалии. Для Бонна это почти равнозначно смене вех».

Громыко: «Вы бы придумали словечки похлеще, назвали бы Брандта с Шеелем революционерами»⁴.

Результат спора устроил В.М. Фалина, так как А.А. Громыко «задумался» и рекомендовал задействовать «рабочие контакты».

Помимо этого, В.М. Фалин якобы настаивал на скорейшем прекращении подготовительной стадии. А.А. Громыко возражал и предупреждал: «Не стоит недооценивать Аллардта». Не захотел министр подключить и советское посольство в Бонне, поэтому В.М. Фалин (без его согласия) разметил посольство в рассылке протоколов бесед с Аллардтом.

Таким образом, версия Фалина сводится к тому, что министр стал осторожным сторонником сближения с ФРГ в 1968 г., но позиция А.А. Громыко характеризова-

¹ Там же. С. 141–142.

² Там же. С. 149.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 149–150.

лась непоследовательностью, из-за чего Фалину приходилось позитивно «влиять» на него, «объяснять» сложности немцев и время от времени интриговать (инцидент с проектом записки).

Версия крайне противоречива. Неслучайно заведующий 3-м Европейским отделом МИД СССР признавал: «Вызывало уважение, как министр освоился с германской материей, свободно оперировал частностями»¹.

О стратегическом в позиции министра

В популярном советском определении дипломатия понимается широко как «[о]фициальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению целей и задач внешней политики государств, а также по защите интересов государства за границей»², т.е., по сути, является деятельностью, формирующей особое (и не всегда даже в период холодной войны идеологическое) пространство [Максимычев, 2007].

Классические функции дипломатии описываются, как правило, исключительно ситуативно, из чего легко можно сделать вывод о чуждости стратегического в дипломатии и о необходимости переноса стратегии в политику. Нелогичность подобного вывода будет заключаться в том, что дипломатия, в том числе и через поддержание собственного функционального пространства, продолжает оставаться частью политики.

Если же в «деятельность специальных органов внешних сношений» и в дипломатическое пространство со всеми свойственными ему закономерностями и спецификой развития включить континуитет и дуалистичную природу личностного фактора (длительное нахождение на ответственном посту; постоянное укрепление влияния, авторитета и возможностей), то, как в случае с А.А. Громыко, создается уникальная историческая ситуация, которая обуславливает изучение стратегического и континуитетного, заставляет хотя бы временно отвлечься от традиционного ракурса директив и инструкций.

Без видоизменения научного подхода уникальность брежневского этапа внешней политики СССР грозит ускользнуть из поля зрения исследователей, а «цели Громыко» навсегда оказаться в тени «дилемм Громыко».

Версия Фалина подтверждает гипотезу о стратегическом в дипломатии. Разве у Фалина не было своего стратегического видения? А почему оно смогло возникнуть в тот исторический период и под руководством человека, для которого, по словам того же Фалина, междометия значили больше, чем конкретика? Разве видение Фалина не было внеидеологическим и не вступало в некоторых аспектах в противоре-

¹ Там же. С. 152. Насколько известно, А.А. Громыко был хорошо осведомлен о «германской материи» еще во время работы в США.

² Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Дипломатия> (дата обращения: 14.06.2022). Ср. с современным определением: Дипломатический словарь для студентов. Авт. кол. под рук. А.В. Яковенко. М.: Изд-во Дипломатической академии МИД России, 2022. С 105.

чие со взглядами министра? Разве руководитель 3-го Европейского отдела МИД СССР, склонный одноосторонне интерпретировать действия А.А. Громыко, понимал до конца все аргументы министра?

Следовательно, было то, что оставалось за кадром, и то, за что ответственность брал на себя лично министр. В этой связи достаточно напомнить о неготовности А.А. Громыко подключать советское посольство в Бонне.

Применительно к стратегическому в изученный хронологический период речь может идти о «согласии» как развитии предложенного западными немцами «сближения», о «европейской безопасности в целом» и о «европейской политике на перспективу».

«Согласие», по всей видимости, означало стремление выстроить долгосрочные и максимально внеконфликтные взаимовыгодные отношения. «Европейская безопасность в целом» указывала на системные приоритеты (комплексность) в решении проблем. «Европейская политика на перспективу» была призвана способствовать формированию стратегических решений.

Все три тезиса были озвучены «жестким» А.А. Громыко в общении с официальными представителями Западной Германии и вписаны в основные аргументационные линии «тупиковых» переговоров [о тезисе «тупика» см: Филитов, 2020]. Хотя в 1968–1969 гг. министр не стал предлагать их конкретного содержательного раскрытия, случайными или тем более междометными они, помогая строительству «палатки безопасности» не были [см. о разрядке: Громыко Ан., 2009: 63].

Любопытно и другое: в работах коллег, проанализированных с применением стратегического ракурса, видоизменяются интерпретационные контексты. А.М. Филитов, к примеру, полагает, что оценка А.А. Громыко исходной инициативы ФРГ 1967 г. об обмене «заявлениями о неприменении силы» в качестве «неприемлемой» вызвана установлением дипломатических отношений Западной Германии с Румынией и стремлением размыть единство социалистических стран [Филитов, 2020: 125–126].

В такой интерпретации вне поля зрения остаются более весомая параллельно происходившая эволюция союзнических отношений среди социалистических и капиталистических стран [Creuzberger, 2009: 85–134], принципиальная ответственность СССР за перспективу (см. слова А.А. Громыко о «радикальном изменении»), осторожность министра, его правила¹, и, наконец, продолжавшаяся доработка А.А. Громыко внешнеполитической стратегической линии. «Согласие» ведь всегда будет более значимым нежели простое «сближение».

В 1968–1969 гг. в советском руководстве шла борьба за стратегию. А.А. Громыко был единственным, кто обладал уникальным дипломатическим опытом, имел четкое представление о континуитете национальных интересов и, понимая шансы для страны (в упрощенной западногерманской версии – оставаясь «непривычно закрытым»), имел возможность эффективными методами достигнуть поставленных целей.

¹ См. подробнее: Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности (1963–1964 гг.). *Современная Европа*. 2021. № 5. С. 145–146.

Едва ли министр не знал и о критическом настрое Фалина. Несмотря на это, Фалин продолжал занимать ответственный пост и делать успешную карьеру, поскольку А.А. Громыко, по всей видимости, были нужны разные взгляды на происходящее.

Отрицать стратегическое в дипломатии бессмысленно [по теории и практике проблемы см.: *Neue Ostpolitik...*, 1997]. Тем более А.А. Громыко настойчиво укреплял стратегические линии и мышление. В научном плане дискуссионным остается то, насколько стратегия в дипломатии расходилась со стратегией в политике.

При поиске ответа на этот вопрос стоит помнить, что речь идет об уникальной исторической ситуации постоянного роста влияния и самостоятельности министра иностранных дел.

* * *

Наследие А.А. Громыко чрезвычайно важно для современности, поскольку реальная безопасность, что неоднократно доказывал Андрей Андреевич, – это не столько вооружения и армии, сколько желание и умение сотрудничать, постоянный поиск приемлемого результата, знание и понимание национальных интересов, континуитета и культур, высочайший уровень исторической ответственности [Громыко Ал., 2019]. Иными словами, особая интеллектуальная культура, в которой априори принято мыслить комплексно в сложных и противоречивых контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громыко Ал.А. (2020а) Была ли альтернатива началу холодной войны? (К 75-летию Великой Победы и создания ООН). Статья вторая. *Современная Европа*. № 6. С. 5–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620200514>

Громыко Ал.А. (2019) Дипломатия позитивного действия. «Война между государствами – великое зло» К 110-летию А.А. Громыко. Общ. ред. Ал.А. Громыко. Весь мир; ИЕ РАН, Москва, Россия. С. 84–102.

Громыко Ал.А. (2020b) Рождение послевоенного мира: планирование и реалии. (К 75-летию Великой Победы и создания ООН). Статья первая. *Современная Европа*. № 5. С. 19–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520201932>

Громыко Ал.А. (2009) *Андрей Громыко: Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына*. Научная книга, Москва, Россия. 444 с.

Долгиевич Р.В. (2018) *Западный Берлин и советская дипломатия (1963–1969 гг.)*. Алетейя, Санкт-Петербург, Россия. 244 с.

Максимычев И.Ф. (2007) Холодная война или историческая норма? *Международная жизнь*. № 10. С. 90–96.

Павлов Н.В. (2019) Архитектор Московского договора. *Современная Европа*. № 5. С. 132–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019132142>

Филитов А.М. (2009) *Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990*. Наука, Москва, Россия. 333 с.

Филитов А.М. (2020) Трудный путь к Московскому договору между СССР и ФРГ. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 11. Выпуск 7 (93). DOI: 10.18254/S207987840011931-3

Яжборовская И.С. (2013) «Социалистическое содружество» и «доктрина Брежнева». *Вопросы истории*. № 9. С. 3–19.

Belov V., Zverev A. (2015) *Deutschlandverstehet: Russlands wissenschaftliche Elite schaut auf das heutige, moderne Deutschland*. Wegweiser Media & Conferences GmbH, Berlin, Germany. 401 p.

Creuzberger S. (2009) *Westintegration und neue Ostpolitik: die Außenpolitik der Bonner Republik*. Bebra-Verl, Berlin, Germany. 187 p.

Dohnanyi K. (2022) *Nationale Interessen: Orientierung für deutsche und europäische Politik in Zeiten globaler Umbrüche*. Siedler Verlag, München, Germany. 240 p.

Flatten M. (2021) *Scharnierzeit der Entspannungspolitik: Willy Brandt als Außenminister der Großen Koalition (1966–1969)*. Dietz, Bonn, Germany. 759 p.

Neue Ostpolitik – Strategie für eine gesamteuropäische Entwicklung: Strategien für Europa (1997). Ed. by W. Weidenfeld. Verl. Bertelsmann-Stiftung, Gütersloh, Germany. 189 p.

A.A. Gromyko and Security Policy (1968–1969)

A.A. Sindeev*

Doctor of Sciences (History), Professor of RAS

Chief Researcher, Institute of Europe, RAS

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

**E-mail: a_sin74@mail.ru*

Abstract. The article continues addressing the role of Soviet Foreign Minister A. Gromyko in the development and enforcement of the USSR's security policy. The research subject is determined by the increased importance of strategy in foreign policy and diplomacy today. The chronology is justified by the need to introduce an independent period of «clock correction» before the start of the Soviet-West German negotiations between A.A. Gromyko and State Secretary E. Bahr (SPD) on the Moscow Treaty. Structurally, the article consists of four sections. In the first part Gromyko's initial goals outside the typical framework of guidelines and directives are presented. The second section contains strategic goals of the Soviet Foreign Minister aimed at further development of «Gromyko's foreign policy concept». The third and fourth sections highlight Gromyko's strategy and reference to the peculiarities of the situation that arose in the USSR foreign policy during the Brezhnev period. The latter allows to introduce hypotheses about the impact of personal factors caused by long-term office, strengthening of influence, authority and opportunities for action. During the period of 1968–1969 the author outlines three of Gromyko's strategic ideas: «Agreement» as a counter-concept to the West German «rapprochement»; system-oriented concept of European security («European security as a whole»); constant development of security policy on the basis of some fundamental principles («European policy in the long term»). The research is based on published documents of the Foreign Office of the Federal Republic of Germany. The author conducts the analysis on the basis of the foreign partners' assessment of the Soviet Foreign Minister's statements made during official negotiations (outer reflection). The author's reasoning should be considered in the context of his earlier articles in the «Sovremennaya Evropa» journal.

Key words: Gromyko, security policy, foreign policy continuum, political strategy, political tactics, diplomatic strategy, diplomatic tacticsl.

DOI: 10.31857/S0201708322060134

EDN: kubfsn

REFERENCES

- Belov V., Zverev A. (2015) *Deutschlandverstehet: Russlands wissenschaftliche Elite schaut auf das heutige, moderne Deutschland*, Wegweiser Media & Conferences GmbH, Berlin, Germany (in German).
- Creuzberger S. (2009) *Westintegration und neue Ostpolitik: die Außenpolitik der Bonner Republik*, Be.bra-Verl., Berlin, Germany (in German).
- Dolgievich R.V. (2018) *Zapadnyi Berlin i sovetskaya diplomatiya (1963–1969 gg.)* [*West Berlin and Soviet Diplomacy (1963–1969)*], Aleteiya, Sankt-Petersburg, Russia (in Russian).
- Dohnanyi K. (2022) *Nationale Interessen: Orientierung für deutsche und europäische Politik in Zeiten globaler Umbrüche*, Siedler Verlag, München, Germany (in German).
- Filitov A.M. (2020) Trudnyi put' k Moskovskomu dogovoru mezhd SSSR i FRG [The Difficult Route to the Treaty of Moscow between the Soviet Union and the West Germany], *ISTORIYA*, vol. 11, issue 7 (93). URL: DOI: 10.18254/S207987840011931-3 (in Russian).
- Filitov A.M. (2009) *Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii, 1941–1990* [*Germany in Soviet Foreign Policy Planning, 1941–1990*], Nauka, Moscow, Russia (in Russian).
- Flatten M. (2021) *Scharnierzeit der Entspannungspolitik: Willy Brandt als Außenminister der Großen Koalition (1966–1969)*. Dietz, Bonn, Germany (in German).
- Gromyko A.I.A. (2020a) Byla li al'ternativa nachalu kholodnoi voiny? (K 75-letiyu Velikoi Pobedy i sozdaniya OON). Stat'ya vtoraya [Was there an alternative to the beginning of the Cold War? (To the 75th anniversary of the Great Victory and the creation of the UN). Article two], *Sovremennaya Evropa*, no. 6, pp. 5–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620200514> (in Russian).
- Gromyko A.I.A. (2019) Diplomatiya pozitivnogo deistviya [Positive Action Diplomacy]. «Voina mezhd gosudarstvami – velikoe zlo»: K 110-letiyu A.A. Gromyko [«War between states is a great evil»: On the 110th anniversary of A. A. Gromyko], ed. by A.I.A. Gromyko, Ves' mir; IE RAN, Moscow, Russia, pp. 84–102. (in Russian).
- Gromyko A.I.A. (2020b) Rozhdenie poslevoennogo mira: planirovanie i realii. (K 75-letiyu Velikoi Pobedy i sozdaniya OON). Stat'ya pervaya [The Birth of the post-war world: planning and Realities. (To the 75th anniversary of the Great Victory and the creation of the UN). Article one], *Sovremennaya Evropa*, no. 5, pp. 19–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520201932> (in Russian).
- Gromyko An.A. (2009) *Andrei Gromyko: Polet ego strely. Vospominaniya i razmyshleniya syna* [*Andrey Gromyko: The flight of his arrow. Memories and reflections of his son.*]. Nauchnaya kniga, Moscow, Russia (in Russian).
- Yazhborovskaya I.S. (2013) «Sotsialisticheskoe sodruzhestvo» i «doktrina Brezhneva» [The «Socialist Commonwealth» and the «Brezhnev Doctrine»], *History issues*, no. 9, pp. 3–19 (in Russian).
- Neue Ostpolitik – Strategie für eine gesamteuropäische Entwicklung: Strategien für Europa* (1997), ed. by W. Weidenfeld, Verl. Bertelsmann-Stiftung, Gütersloh, Germany (in German).
- Maksimychiev I.F. (2007) Kholodnaya voina ili istoricheskaya norma [The Cold War or the historical norm?], *International Affairs*, no. 10, pp. 90–96. (in Russian).
- Pavlov N.V. (2019) Arkhitektork Moskovskogo dogovora [Architect of the Moscow Agreement], *Sovremennaya Evropa*, no. 5, pp. 132–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019132142> (in Russian).